

УДК 947

Р. В. Кауркин

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ САМОЗВАННОГО ПРИНЦА «ВЕЛИКОЙ ГОЛКОНДЫ», «ПРАВИТЕЛЯ БОРНЕЙСКОГО ЦАРСТВА» МАЛОРОССИЯНИНА ИВАНА ТРЕВОГИ О «ПРАВЛЕНИИ, ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛЬЗЕ И НАУКАХ»

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды представителя русской утопической мысли XVIII в. Ивана Тревоги.

Ключевые слова: Россия XVIII в., утопическая мысль, Иван Тревога.

Abstract. The article considers the ideas and viewpoints of Ivan Trevoga – the representative of Russian utopian.

Key words: Russia in XVIII century, utopian thought, Ivan Trevoga.

Русская утопическая мысль XVIII в. представляет собой достаточно широкий и разнообразный спектр всевозможных сочинений и проектов. Она предстает перед исследователем как мозаичное полотно, насыщенное всевозможными островами, землями, различными странами и народами, инопланетными мирами.

Одним из наиболее оригинальных русских утопистов екатерининского времени является Иван Иванович Тревога, который заявил российскому послу в Париже князю И. С. Борятинскому: «Я родом не Россиянин, а иноверец, сын Голкондского Короля» [1, л. 19 об.]. То же самое он продолжал утверждать и в Бастилии, куда был заключен по обвинению в совершении кражи. Во время допросов И. Тревога проявил себя как великолепный рассказчик и эрудит, как виртуозный лгун и искусный манипулятор. Перемежая ложь истинными событиями, которые ему пришлось пережить, он нарисовал перед французским следователем – королевским советником и парижской юстиц-коллегии комиссаром П. Шеноном – логически выверенную, детализированную картину своей вымышленной судьбы с военными баталиями, заговорами, романтической любовью, тюремными заключениями, побегами, кораблекрушениями, предательствами, бескорыстной дружбой и всепоглощающей братской привязанностью.

Ему это не составляло особого труда, так как в его бумагах, изъятых при аресте, были обнаружены черновики неоконченного произведения «Нешастный принц восточный или жизнь Хольсава царя Голкондскаго» [1, лл. 360–362] и утопического проекта «Царства Борнейскаго» [1, лл. 224 об. – 238]. Анализ материалов допроса и этих сочинений, по мнению исследователей, соотносятся между собой как конспект и текст [2, с. 57].

Помимо литературных изысканий в бумагах И. Тревоги были обнаружены также несколько манифестов от имени «борнейского правителя», которые не единожды привлекали внимание исследователей. Л. Б. Светлов характери-

зует И. Тревогу как сторонника просвещенного абсолютизма. Он пишет, что свое идеальное Иоанийское государство тот представлял себе в виде монархии, во главе которой стоит мудрый, трудолюбивый, высоконравственный властитель – истинный «друг народа», защитник справедливости и законов [3, с. 329]. М. Д. Кумрачева придерживается иной точки зрения. Сравнивая манифесты И. Тревоги и манифесты Е. Пугачева, она приходит к выводу о том, что наряду с чертами сходства они имеют и весьма существенные различия, которые объясняются разными условиями и целями их создания: первые – индивидуальным выражением недовольства существующими порядками; вторые – открытым антифеодальным движением [4, с. 235].

Более верной представляется точка зрения Л. Б. Светлова. Суть дела заключается в том, что манифесты И. Тревоги являлись составной частью его плана по продвижению своего утопического проекта¹ [5, с. 322–335]. Об этом, в частности, свидетельствуют заготовленные им обращения к Екатерине II, в которых четко и ярко прописаны верноподданнические чувства автора и его восхищение политикой «отечества матери» на благо народа.

В своих манифестах И. Тревога следующим образом обосновывает причины, побудившие его «основать [себе] новое царство на острове Борнео, который лежит в Азии между Сундскими островами» [5, л. 225]: «Всем известно, что мы будучи лишены нашего отцовского наследия: трона великой Голконды, не войною и не врагами, но своими же подданными: злоумыслниками и льстецами, которыми и изгнаны из нашего отечества в [ров] злоключений...» [1, л. 226]. Под первым пунктом во всех вариантах манифеста об основании Борнейского царства автор пишет о намерении заложить столицу под именем святого Иоанна или Иоании [1, лл. 225, 226, 228, 233 и др.].

Вполне реально осознавая, что в новое государство необходим приток жителей, И. Тревога подробно прописывает привилегии тем, кто пожелает стать его подданным. В одном манифесте это освобождение всех от «всяких податей» и «поборов» на десять лет; вечное дворянство, государственные чины и «орден Провидения Божия» – тому, кто «объявит у себя наличными деньгами до миллиона талантов»; ежегодное «награждение» из казны «по тысяче талантов», чин «штатского заседателя» и возвращение «в десят лет» затраченных сумм тем, кто построит в городе «на свое иждивение» дома и другие строения [1, лл. 225–225 об.].

В другом манифесте автор, стремясь привлечь малообеспеченные слои населения, гарантирует и «всемилодивейше жалует» тем, кто намеревается поселиться в его столице «за то по [двести] талантов и... строить им дома на... государственное иждивение не требуя во век от них ни малейшей за то суммы». А тем, кто будет строиться на свой счет, обещано награждение «каждой душе по пятидесяти талантов» и ежегодного дохода из казны «по тысяче талантов» [1, л. 226].

В награждение «трудов и прилежностей усердных наших подданных» предполагаемый царь иоанийский, следуя «примеру других христианских держав», учреждал орден «святого Иоана многотерпеливаго». Примечательно, что учреждался он 28 июля 1783 г., «в который исполняется 22 года, как

¹ Первая и, вероятно, единственная публикация утопических проектов И. Тревоги «Основание области знаний» и «Уложение империи знаний» представлена в работе [4, с. 322–335].

мы родившись на свет... а второе что в сей день [принимается] начало основания нашего царства...» [1, лл. 229–229 об.].

В данном случае И. Тревога уподоблял себя Иоанну многострадальному, жившему в XII в., память которого почитается 18 июля по старому стилю [5, столбец 1090], и позиционировал себя как носителя некоей сакральности¹, уподобляясь в таком случае самозванцам, коими богато было екатерининское время в России. Кавалеры ордена Святого Иоана должны были ежегодно праздновать день учреждения этой награды.

В царстве Борнео, или Иоании, автором предполагалось учредить 13 наместничеств, 130 губерний, 1300 провинций, 13000 уездов, 130000 сел, 1300000 деревень. Данное деление встречается в бумагах И. Тревоги неоднократно [1, лл. 226 об., 236], однако есть и другое: «10 королевств, 100 наместничеств, 1000 губерний, 10000 провинций, 100000 уездов, 1000000 сел, 10000000 деревень» [1, л. 226 об.].

Вероятно, по мысли автора, деление на «королевства» более соответствовало полному титулу новоявленного монарха: «Божию милостию Иоан Первый царь и самодержец Борнский, наследник престола великой Голконды и проч. и проч. и проч.». Однако возникает вопрос, насколько хорошо знаком был И. Тревога с географическими сведениями того времени? Скорее всего, достаточно слабо, так как невозможно поместить более миллиона населенных пунктов на столь небольшом острове как Борнео, он же Калимантан.

Наместничества, по мысли автора, должны были обозначаться именами апостолов: второе – Петра, третье – Павла, четвертое – Андрея. Наместничества с шестого по двенадцатое не обозначены именами апостолов, вероятно, в силу того, что имена других учеников Христа подразумевались И. Тревогой априори. В представленном перечне обращает на себя внимание тот факт, что под номером первым обозначено «наместничество Сына Божия», а под тринадцатым – «наместничество Иуды Искариота» [1, л. 236]. Выстраивая в один ряд сакральное и земное, сочинитель воображаемого государства, вероятно, хотел подчеркнуть роль божественного промысла в судьбах людских. Именно «Провидению Божию» обязан был «Голкондский принц» избавлению от всевозможных бед и злоключений в его жизни, о чем он неоднократно упоминает в своих записях.

В каждом наместничестве предполагались наместник, патриарх, генералиссимус, генерал-адмирал. Допускался и другой вариант структурирования системы управления на местах: наместник (наместничество), губернатор (губерния), воевода (провинция), комиссар (уезд), бургомистр (село), ратман (деревня) и соответственно им – митрополит, архиепископ, епископ, архимандрит, игумен, протопоп.

Высший орган исполнительной власти должен был представлять «Царский Совет», в который входили «4 генералиссимуса, 4 патриарха, 4 наместника, 4 генерал-адмирала». Помимо этого органами управления определялись 12 коллегий: «придворная, духовная, военная морская, военная сухопут.,

¹ Определение «многотерпеливый» идет вразрез с общехристианской и православной традициями. Если «многострадание» – это послушание воле Божией, то терпение – это попытка решить свои проблемы собственными силами, без обращения за помощью к Богу. Это может расцениваться и как гордыня, и как противление Божественному провидению.

иностранная, ученая, штатская, дворянская, купеческая, мещанская, экономическая, сокровищ...».

В целом в своем проекте И. Тревога копирует российскую систему управления государством. Ни из «манифестов», ни из других записей, которые можно отнести к «заведению» царства Иоании, мы не можем извлечь достаточно полную информацию о социальной структуре предполагаемого государства и его экономической составляющей. Из представленных в деле бумаг следует, что помимо управленческого аппарата в лице наместников, губернаторов и др. государство Борнео «населяют» дворяне, купцы, мещане, разночинцы, духовенство, крестьяне, солдаты, ремесленники. Ни о налогах, ни о податях и других сборах в пользу государства автор не пишет ни строчки. Обходит молчанием он и вопросы сельского хозяйства и промышленности, а также проблему владения крестьянами. И. Тревога то ли оставлял эти вопросы на потом, то ли опасался их раскрывать из-за политических соображений, то ли это просто не представляло для него какого-либо интереса.

Совсем другой подход мы обнаруживаем в «сочинении» И. Тревоги касательно армии. По его мнению, армия должна состоять из «кавалерии и инфантерии», а те, в свою очередь, из «баталионов и искадронов». «Батальоном называется то, когда от пятисот до тысячи человек, составляют некую часть оной, для различного употребления четверугольным образом дабы наступать, двигаться и сражаться» [1, л. 239].

Полк пехотный должен был состоять из тысячи солдат, сорока капралов, двадцати сержантов, офицеров, лекаря, священника и др. – общим количеством 1076 человек [1, л. 240]. На этом обрывается «ропись» армейским соединениям. Однако И. Тревога вновь обращается к вопросу об армии, когда пишет о том, «в каком случае принс должен предводительствовать он сам своею армию». Данный документ разбит на два «члена» и несколько пунктов и носит, как и многие другие, незавершенный характер. По мнению автора, принц или царь должны сами стоять во главе армии; во-первых, ее численность «выше сто тысяч человек»; во-вторых, «когда область уже очень угнетена от неприятеля и что уже почти приходит в крайнее разорительство»; в-третьих, в случае если кто-то «оспаривает его право, и который сам он некоторую часть земли владеет в его державе»; в-четвертых, «ежели его *uprivab* будет предводительствовать сам своим войском» [1, лл. 237–237 об.]. При этом особо подчеркивается, что даже старческая помощь не дает повода не соблюдать эти правила. Все это должно делаться во имя того, чтобы показывать своим воинам «пример к храбрости» и предоставлять «доказательство, что он достоин ими предводительствовать».

Несколько необычно звучит формулировка пункта второго первого «члена»: «Ежели случится что принс уже находится при старости то он должен армию свою поручить своим сыновьям, а если оных не имеет то своим родственникам каких только он имеет и на верность которых твердо надеется» [1, л. 237]. Данное утверждение можно скорее отнести к средневековому восточному подходу, нежели к европейскому Новому времени.

По мнению автора, военная кампания накладывает на «предводителя» особую ответственность: «...да будет отягощен бесчисленными заботами, да повелевает всем, да наблюдает состояния...». Помимо этого «принс владетельный» обязан был быть трудолюбивым «как разумом так и телом» и делать все возможное для сохранения благополучия и покоя «тех коих Бог ему

в сохранение поверил» [1, л. 238]. Видимо, исходя из этого, И. Тревога выделяет в особый пункт борьбу с внутренними мятежами: «За вольность или обиду общественную и за закон не должен он (т.е. правитель. – *Р. К.*) ни когда щадить своего войска, но оным защищать их до последней капли крови» [1, л. 237]. Данное жесткое утверждение резко диссонирует с общим спокойным изложением автора своих мыслей. Причиной этому могло быть или отрицательное отношение И. Тревоги к русским народным бунтам, «бесмысленным и беспощадным», или борьба всех против всех, которую он наблюдал в республиканской Голландии, или предреволюционная ситуация во Франции начала 80-х гг. XVIII в., которая несла прямую опасность абсолютной монархии Людовика XVI, или же автор опирался на собственную мифологию о том, что, «будучи лишен... отцовского наследия», был изгнан из «родного Голкондского» государства «своими же подданными злоумыслинниками» [1, л. 226].

Как бы там ни было, ярко представлен тезис автора о том, что монарх не только может, но и должен направлять свою армию не только против внешнего врага, но и против внутренних мятежников. И как тут не вспомнить блистательного генерала А. В. Суворова, который в сентябре 1774 г. конвоировал «злодея Емельку Пугачева» [6, с. 422].

В изъятых после ареста бумаг И. Тревоги значатся наброски к проекту о престолонаследии и «помазанию на царство». Не описывая сам обряд, автор указывает, в каких случаях должно совершаться «помазание царем». Он пишет, что «Цари [не могут] быть много раз на царство помазованы разве случаться с ними следующие обстоятельства [:]

1. Что он желает из [нижскаго] состояния принять [высшее] как то из принса желает быть помазан царем, а из царя императором и проч.

2. Что он по овладении каким-нибудь другим царством, или по избранию должен быть помазан царем или владетелем и на оное, или

3. Что он быв уже помазан и некоторым случаем низвергнут с престола а потом опять принимает оной, в тот случай может оной быть помазан» [1, л. 233].

Данные пункты вызывают ряд вопросов. Во-первых, что имел в виду автор, указывая после линии «принц – царь – император» «и проч.»? На какой титул после императорского мог претендовать тот или иной правитель? Или же это просто описка (что представляется более вероятным)? Во-вторых, третий пункт явно носит определенный личностный характер. В практике христианского помазания на престол случаи вторичного совершения данного обряда неизвестны. И. Тревога, прописывая это, вероятно, претендовал на «помазание царем» в силу следования выдуманной им легенды о том, что он является наследным принцем Голкондии.

Не совсем однозначен подход в документе и к системе престолонаследия. Из текста следует, что на царский престол могут претендовать все дети монарха, «...а притом хотя они и считаются принсами крови однак получают чины от нижнего до последнего как и протчия подданные» [1, л. 233]. Данное высказывание представляется проекцией подхода к данному вопросу первого российского императора. Это, в частности, подтверждается словами автора, что «...во время его (т.е. царя. – *Р. К.*) владения дети его не могут до государственного правления касаться кроме в той должности какая им от отца поручена» [1, лл. 233–233 об.]. Более того, автор практически в категорической

форме запрещает царям во время их правления возводить «детей своих на престол»; отказываться от престола, если «царь или царица не имеющие пятидесяти лет».

И. Тревога не пишет, кто из детей имеет преимущество в наследовании царского титула. Все царские наследники титулуются «царским высочеством». Право же определять будущего правителя остается за действующим монархом, так как именно ему автор предписывает: «Ежели случится что должно быть избранному царю тогда старой царь пошлет указ...». Если же он умрет, то это право переходит к неким двенадцати «главным» правителям [1, лл. 233 об. – 234]. На этом проект обрывается.

Однако в бумагах И. Тревоги сохранился черновой набросок неоконченного сочинения, первая глава которого озаглавлена следующим образом: «О свойстве и добродетелях принца, восходящего на престол», который в смысловом значении очень близко предстоит к рассматриваемой теме и вполне мог являться ее составной частью. На трех с небольшим листах автор излагает основные представления своего видения данной проблемы. Под первым пунктом И. Тревога обозначает соподчиненность правящей особы Богу, так как он «чрез пророка своего повеле[вает] чтоб все цари земные воздавали ему почести... чтоб они внимали с кротким сердцем все учение его святых слов...». Помимо этого, принц должен был поступать таким образом, чтобы «все народы соединенные... им... оному бы повиновались...». Во втором и третьем пунктах автор, ссылаясь на церковные авторитеты, замечает, что самое величайшее счастье для «человеков и для держав» есть такое состояние, при котором во главе государства стоит человек, сочетающий в себе «великую премудрость и великую способно[сть]» управлять подданными. Данные же качества обретаются лишь тогда, когда принц как «наидрагоценнейший дар» воспринимает свое стремление походить «совершенствами своими Богу», старается быть умеренным в своих желаниях, является «правосудным» и «добродетельным» [1, л. 242 об.]. Как яркий пример должного правления И. Тревога проводит в четвертом пункте своего наброска историю ветхозаветного царя Соломона.

Все вышесказанное о правителе и правлении в той или иной вариативной интерпретации тождественно как средневековому восприятию идеального правителя русскими мыслителями, так и сочинениям нововременного характера России XVIII в. В финале же своего неоконченного труда И. Тревога нарушает эту традицию и рассматривает проблему, при которой «народы не хотящие повиноваться премудрому и благому царю» и «суть подвержены во всем жестокости природы». По его мысли, народ заслуживает такого правителя, каким он является сам. А точнее, правитель становится носителем таких качеств, которые присущи народу, им управляемому. И. Тревога выстраивает следующий взаимозависимый ряд: «ежели народы не справедливы», «то принс ими предводимый видя то бывает так же... не справедлив»; «если они скупы» – «делаются и их принсы такимиже»; «они не любят жалости и добродетели и боль» – «а принцы их... оныя презирают»; «они суть разны[e] мнения о общественном благе и думают толь о своем прибытке» – «...принсы думают что общее благо и их польза суть противны одно другому». И, как бы вынося окончательный приговор неблагодарному народу, автор восклицает, что если они «обвиняют изобилие и мир», то бывают наказаны «угнетающими их податями и войнами» [1, лл. 244–244 об.].

По мысли И. Тревоги, народ должен нести коллективную ответственность перед Богом за свое поведение. Он отмечает, что, исходя из «состояния народов», Бог одним дарует правителей «по благодати», а другим – «по ожесточению». Если первый подход подразумевает божественную заботу о дальнейшем «благополучии народа», то второй является «мздой Божию оным». Если проводником благодного Божьего промысла является монарх «премудрый и правосудный», то в противном случае Господь Бог наказывает народ через правителя, которому «позволяет следовать только своим страстям и своим tenebres (т.е. порокам. – Р. К.)¹. И далее автор подчеркивает, что хотя они оба имеют законную власть, однако один употребляет оную во благо, а другой во зло: «От первого ожидать надобно всех благ и добродетели, а от второго всех зол и всех пороков» [1, л. 243 об.]. Одним словом, от народа зависит не только его собственная историческая судьба, но и судьба тех правителей, которых им дарует Провидение. Таким образом, выводилась прямая зависимость бытия народа от его веры в Бога и повиновения «даруемой им правящей ими особе».

Идеалом просвещенного монарха и мудрого правления для И. Тревоги, без сомнения, являлась Екатерина II и ее политика. Доказательством этому служат его заготовленные обращения к ней. Подобных обращений в деле несколько. Одни представлены в виде коротких черновых набросков [1, лл. 279 об., 319, 320], другие носят пространный характер и имеют вполне законченный вид [1, лл. 275–277, 281–281 об.]. Данные тексты в своей совокупности позволяют судить об отношении автора к реформаторской деятельности российской императрицы и выявить побудительные причины его обращения к сочинению своих утопических проектов.

В целом стиль данных обращений выдержан в характерных для того времени панегирических словообращениях и тонах [8, с. 209–214, 9]. Следуя нормам жанра, И. Тревога в начале послания обозначает провиденческую основу правления Екатерины II: «Бог зря твои прямые милости и усердия к отечеству изливает на тебя твердость в намерениях, премудрость в учреждениях и щастие в успехе распространений оных, чтоб ты, великая отечества мать! Продолжала оное пока еще тягостное бремя старости не смеет прикоснуться к твоей... жизни» [1, л. 276]. Затем автор превозносит реформы императрицы и восхищается ее нововведениям: «...установления благородных корпусов, сиропитательных домов, правосудия и тишины, учреждения наместничеств и благочиния... распространение купечества внутрь и вне государства...» (лл. 276–276 об.). Он как бы констатирует, что именно для этого провидению и было угодно допустить Екатерину II до управления Россией и что она не только должна, но и обязана продолжать начатое во благо страны: «...распространение наук, художеств и ремесел соплели тебе уже безсмертной венец славы и составил тебе вечную песнь в похвалу от всех концов земли...» [1, л. 278].

Далее И. Тревога указывает на благодность данных мероприятий для российских подданных: «...стремятся толпою многие народы зреть оныя и повернутся под покров твоя милостивейшей десницы... подданных ходить

¹ Л. Б. Светлов переводит «tenebres» как «темные привычки» [7]. Однако нам представляется перевод этого слова как «пороки» более точным в силу общего смыслового звучания фразы.

по стезям добродетели, сохранять правосудие, повиноваться... законам и предаваться с рачением трудам...» [1, л. 276 об.]. Именно последнее и послужило причиной тому, что И. Тревога обратился к сочинению своего проекта: «...зная что оной как нужен в нашем отечестве, тако и таковыя учреждения никогда не бывают тобою упускаемы» [1, л. 277]. О серьезности намерения молодого прожектера представить свой труд императрице не приходится сомневаться. В конце своего послания он пишет: «Примите Ваше высочество сей слабой мой труд и всемилостивейше извините что желание мое, которое только состоит в искании пользы для Отечества, принудило меня оным, утруждать Вас Великая Законодательница» [1, л. 281 об.].

Вероятнее всего, мысль об обращении к императрице со своим проектом зародилась у И. Тревоги много ранее идеи выдать себя за азиатского принца. Возможно, это произошло вскоре после того, как его сочинение «Область знаний» было одобрено Щербининым. В одном из своих черновых набросков обращения он пишет о «начертании основания Храма Знаний» [1, л. 281] и о том, что желание его состоит лишь «в искании пользы для Отечества» (л. 281 об.). Словосочетание «наше отечество» встречается и в другом варианте послания [1, л. 277].

Однако он продолжал думать об этом и за границей, «когда нещастию был лишен своего отечества и находясь по среде цветущих наук и видя ученые собрания... принялся за перо подражать оным...» [1, л. 278]. Данные строчки относятся ко времени пребывания И. Тревоги в Париже, так как в Голландии он не смог адаптироваться в силу незнания языка. И именно во Франции молодой утопист после посещения нескольких «ученых собраний, сообществ и заведений», скорее всего, и расширяет свой проект до «Империи Знаний», о которой также упоминает в одном из вариантов обращения к Екатерине II [1, л. 279 об.].

Таким образом, вполне логично предположить, что изначальной побудительной причиной, толкнувшей И. Тревогу выдать себя за некоего знатного иностранца, явилась невозможность донести свой проект до адресата из-за собственной низкой социальной статусности. В силу этого он решается выдать себя за представителя владетельного дома несуществующих Голкондского или Борнейского царств, в подтверждение чего им был заготовлен фальшивый «пашпорт» на имя борнейского принца Олзава:

«Божиею милостию Отомат первый, Король и повелитель над всеми борнейцами и проч: и проч: и проч:

Я даю сей пашпорт любезному моему сыну Олзаву, желающему путешествовать для обозрения света, для познания различных областей и чужестранных владетелей, с тем дабы он мог иметь везде свободной проезд. В разсуждении чего и прошу вообще всех владетелей управляющих различными областями, и всех жителей населяющих обширность шара делать ему возможнейшее вспомоществование везде и во всяком случае по встречающимся necessностям, как то в проезде, в обороне, деньгами и всем прочим, чем токмо возможно; во взаимственность чего обязуюсь я, изъявить благодарность мою целому свету с уверением моего дружества, почтения и должного с моей стороны награждения. Во удостоверение чего подписываю я сей пашпорт собственною моею рукою купно с тайным моим королевским совтом и прикладываю большую мою печать.

Борнео. Июля восемнадцатого дня тысяча семь сот семьдесят восьмого, а от возшествия моего на престол четырнадцатого года» [1, лл. 125–125 об.].

Список литературы

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 7. Оп. 2. Д. 2631. Л. 19 об.
2. **Дмитриева, Е. Е.** Авантюрная биография И. И. Тревоги / Е. Е. Дмитриева, А. Л. Топорков // Памятники культуры. Новые открытия : ежегодник. 1990. – М. : Круг, 1992. – 496 с.
3. **Светлов, Л. Б.** Неизвестный литератор XVIII в. Иван Тревогин и его утопические проекты / Л. Б. Светлов // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1961. – Т. XX. – Вып. 4 (июль – август). – С. 326–330.
4. **Курмачева, М. Д.** Крепостная интеллигенция России (вторая половина XVIII – начало XIX века) / М. Д. Курмачева. – М. : Наука, 1983. – 352 с.
5. Полный православный богословский энциклопедический словарь : репринтное издание. – СПб. : Изд-во П. П. Сойкина [б.г.] ; М. : Концерн «Возрождение», 1992. – Т. I. – 1120 столбцов.
6. Емельян Пугачев на следствии : сб. документов и материалов / отв. исполнитель Р. В. Овчинников. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 464 с.
7. **Светлов, Л. Б.** Неизвестный литератор XVIII в. Иван Тревогин и его утопические проекты / Л. Б. Светлов // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. – 1961. – Т. XX. – Вып. 4. – С. 329.
8. **Живов, В. М.** Государственный миф в эпоху просвещения и его разрушение в России конца XVIII века / В. М. Живов // Из истории русской культуры. Т. IV (XVIII – начало XIX века). – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 832 с.
9. **Проскурина, В.** Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II / В. Проскурина. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – 328 с.

Кауркин Радислав Вячеславович

кандидат исторических наук, профессор,
кафедра истории России, декан
исторического факультета,
Нижегородский государственный
университет им. К. Минина

E-mail: rad-kaurkin@mail.ru

Kaurkin Radislav Vyacheslavovich

Candidate of historical sciences, professor,
sub-department of Russian history, dean
of historical faculty, Nizhny Novgorod
State University named after K. Minin

УДК 947

Кауркин, Р. В.

Представления самозванного принца «Великой Голконды», «Правителя Борнейского царства» малороссиянина Ивана Тревоги о «правлении, государственной пользе и науках» / Р. В. Кауркин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2012. – № 2 (22). – С. 3–11.